

Арктика и Север. 2022. № 47. С. 142–163

Научная статья

УДК 327(98)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.142

Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики *

Набок Сергей Дмитриевич ¹✉, кандидат исторических наук, старший преподаватель

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

¹ naboks@inbox.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-8014>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу основных теоретических подходов, используемых в международно-политических исследованиях Арктики. В современных исследованиях Арктики используются элементы четырёх основных подходов в области международных отношений: реализма, либерализма, социального конструктивизма и глобального управления, а также некоторые другие. Теоретическая альтернатива реализма-либерализма наиболее явно проявляет себя в вопросах арктической безопасности. Либерализм и концепция глобального управления играют важную роль в объяснении многоуровневого и полиакторного характера политических процессов и управления в регионе. Социальный конструктивизм вносит вклад в понимание и функционирование арктических политических нарративов. Однако в большинстве случаев эти подходы присутствуют в виде имплицитных предположений, а не систематически разрабатываемых и обосновываемых моделей. Основные пункты расхождений связаны с определением единиц и уровней анализа, в частности, роли государств и других категорий акторов, — а также характера отношений между ними. Несмотря на то, что подходы, опирающиеся на положения реализма и рассматривающие арктическую политику через призму неизбежной конкуренции государств в логике «игр с нулевой суммой», остаются достаточно распространёнными, общая тенденция заключается в поиске более сложных теоретических моделей, признающих разнообразие типов акторов, вовлечённых в арктические процессы, а также возможность кооперативных отношений.

Ключевые слова: Арктика, международные отношения, мировая политика, теория, реализм, либерализм, социальный конструктивизм, глобальное управление, режимный комплекс, новый регионализм, парадипломатия

Main Theoretical Approaches in the Arctic Policy Studies

Sergey D. Nabok ¹✉, Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer

¹ Saint Petersburg State University, ul. Universitetskaya naberezhnaya, 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ naboks@inbox.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7879-8014>

Abstract. The article identifies and analyzes the main theoretical approaches used in the studies of international relations and politics in the Arctic. Contemporary studies of the Arctic use elements of several main approaches in the field of international relations: realism, liberalism, social constructivism and global governance, as well as some others. The theoretical alternative between realism and liberalism manifests itself primary in the issues of Arctic security. Liberalism and the concept of global governance play an important

* © Набок С.Д., 2022

Для цитирования: Набок С.Д. Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 142–163. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.142

For citation: Nabok S.D. Main Theoretical Approaches in the Arctic Policy Studies. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 142–163. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.142

role in explaining the multilevel and multi-actor nature of political processes and governance in the region. Social constructivism contributes to the understanding and functioning of Arctic political narratives. However, in most cases, they exist in the form of implicit assumptions rather than as systematically developed and substantiated models. The theoretical differences are mainly related to the definition of units and levels of analysis, particularly the role of states and other types of actors, and the nature of the relationship between them. Despite the fact that realistic approaches considering Arctic politics as inevitable competition of states in the logic of “zero-sum games” remain quite common, the general tendency is to search for more complex theoretical models that recognize the diversity of actors involved in Arctic processes, as well as the possibility of cooperative relations.

Keywords: *Arctic, international relations, world politics, theory, realism, liberalism, social constructivism, global governance, regime complex, new regionalism, paradiplomacy*

В научном изучении международных отношений, международных политических процессов и систем управления роль теории характеризуется двумя специфическими чертами, отличающими его от других социальных дисциплин. Во-первых, фактический политический анализ, использующийся при исследовании конкретных проблем, таких как политика отдельного государства, отношения между странами или деятельность международных организаций, редко опирается на чётко определенный набор понятий и пропозиций, устанавливающих ключевые взаимосвязи между исследуемыми явлениями, носит ситуативный характер и претендует на генерализуемость выводов. Несмотря на то, что теория признается необходимым элементом научного дискурса, её фактическая полезность в политическом анализе оказывается незначительной, а теоретические положения (являющиеся в эпистемологическом смысле гипотезами) зачастую принимаются как неявные допущения, без рефлексии и критического анализа.

Во-вторых, как справедливо отмечает Ф. Чернофф, в теории международных отношений исключительно большое значение имеет прескриптивная составляющая: хотя некоторые теории стремятся исключительно описывать взаимосвязи явлений, нередко теоретический анализ выходит за рамки строго описания и явным или неявным образом формулирует определенные политические цели и нормативные критерии, используемые для оценки определенного курса действий, фактического или гипотетического [1, с. 3–4]. Последнее приводит к тому, что политическая теория выступает в качестве дискурсивного обоснования определенной политической модели и в качестве основы политического нарратива, легитимирующего определенный курс действий.

Рассмотрим, например, простое теоретическое утверждение, соответствующее позиции парадигмы реализма: «Единственным типом акторов, действия которых имеют значение для международной политики и международных отношений, являются государства». Принятие этого утверждения в качестве неявного предположения фокусирует политический анализ исключительно на действиях и решениях, принимаемых высшими органами государственной власти, не позволяя даже поставить вопрос о возможной роли негосударственных акторов. Если такой политический анализ встанет перед необходимостью объяснить пове-

дение негосударственных акторов (например, НКО), они будут интерпретироваться либо как незначимые, либо как инструментальные, то есть являющиеся инструментами решений государственных акторов. Если эта теоретическая предпосылка становится основой выработки политики, то следствием её принятия становится вынужденная интерпретация любых значимых процессов в международных отношениях как следствия решений государственных акторов. Любые действия негосударственных акторов интерпретируются как инспирированные правительствами других стран, а сами акторы лишаются субъектности — в том числе в практическом политическом смысле.

Такое некритичное принятие теоретических положений и неспособность различать дескриптивные и прескриптивные элементы теории имеют важные негативные последствия как для научного изучения политических процессов, так и для политической практики. В практическом смысле тем самым неверно оценивается информация и принимаются ошибочные решения, а также сужается спектр доступных стратегий поведения. В аналитическом плане, искажается фокус внимания и повышается риск неверной интерпретации наблюдаемых явлений. Например, систематические усилия КНР по воздействию на региональную политику в США [2, de La Bruyère D., Picarsic N.] в случае некритичного принятия постулата о государстве как единственном акторе на мировой политической арене должны быть признаны бессмысленными и не имеющими рационального обоснования.

Названные проблемы теории международных отношений характерны и для изучения Арктики. Авторы публикаций, приводящих результаты эмпирических исследований и политического анализа, далеко не всегда опираются на чётко сформулированные теоретические положения и аналитические модели, а дескриптивные характеристики изучаемого предмета (например, арктической стратегии конкретного государства) явно или неявно исходят из принятия определённых политических целей, в соответствии с которыми оценивается ситуация и принимаемые решения. При этом наличие явно сформулированных теоретических положений играет важную роль как в научном исследовании, так и в формулировании практических рекомендаций. Теория выполняет несколько важных функций: определяет фокус исследования и конкретные предметы, которые подлежат изучению и анализу; устанавливает содержание и отношения между ключевыми переменными, используемыми для объяснения и предсказания; позволяет оценивать альтернативные механизмы достижения политических целей (без априорного определения этих целей).

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе ключевых теоретических моделей и подходов, де-факто используемых в современных исследованиях арктической международной политики и управления.

Реализм и либерализм в исследованиях арктической безопасности

Два главных вопроса, относительно которых в исследовании Арктики проявляются альтернативные теоретические позиции, касаются определения роли государственных акторов и преимущественного характера отношений между ними. Традиционно в теории международных отношений в качестве двух главных парадигм рассматриваются реализм и либерализм [1, Chernoff F.]. В сильно упрощённом виде парадигма реализма исходит из того, что в международных отношениях главным типом акторов являются государства, которые находятся в состоянии борьбы за доминирование с другими государствами. Объективные интересы и мотивация государств в общем и целом остаются неизменными и связаны с обеспечением и укреплением собственной безопасности и положения в мировой иерархии. Либеральная парадигма, признавая, что государства являются важными акторами, утверждает, что абсолютные преимущества, получаемые в результате действий на международной арене, важнее, чем относительные, из чего вытекает предпочтение государств к преимущественно кооперативному поведению, которое способно обеспечить взаимовыгодное развитие в логике «игр с ненулевой суммой». При этом, поскольку общая логика политического либерализма предполагает ограничение роли государственного вмешательства, эта теория допускает возможную роль и других типов акторов, негосударственных, а ограничение насильственных последствий анархии в международных делах возможно за счёт развития международных институтов и регуляторных режимов.

Хотя эти парадигмы, а также их современные версии, неореализм и неолиберализм, включают большое число конкретных теорий, которые не сводятся к названным тезисам или даже представляют более широкий взгляд, например, на государственные интересы или роль негосударственных акторов, такое упрощённое понимание, тем не менее, полезно для выявления общих мотивов и альтернатив, встречающихся в исследованиях арктической безопасности. В исследованиях Арктики различие между реалистической и либеральной традициями наиболее явно проявляется в сфере безопасности. В узком смысле безопасность в международных отношениях может пониматься как отсутствие военных конфликтов, угрожающих границам государства. Несложно видеть, что эта трактовка больше соответствует логике парадигмы реализма. В дальнейшем сугубо военное понимание безопасности было расширено за счёт способности государств преследовать свои интересы на международной арене не только военными, но и дипломатическими средствами. Однако, как указывает С. Тарри, со временем такое понимание безопасности стало восприниматься многими исследователями как недостаточное, и было расширено за счёт двух предположений, отражающих логику парадигмы либерализма [3]. Первое заключалось в расширении типов угроз и секторов, к которым стало применяться понятие безопасности, за счёт экономических, экологических и социальных проблем, угрожающих государству, особенно если речь идет о странах «третьего мира». Второе предположение подвергает сомнению представление о

государстве как единственном или главном объекте исследований безопасности, и включает в их число индивидов, всю человеческую цивилизацию, окружающую среду.

Теоретические альтернативы, задаваемые «традиционалистскими» и «нетрадиционалистскими» трактовками безопасности, как показала Б. Падртова, оказались полностью применимы и к Арктике [4]. Согласно логике традиционалистского подхода, безопасность в Арктике должна рассматриваться, прежде всего, как отражение военно-политического противостояния государств. Более того, из общей логики реалистической парадигмы следует, что наибольшее влияние на всю систему международных отношений в регионе оказывают государства с наибольшими ресурсами и возможностями. На роль таковых в регионе претендуют, прежде всего, Россия и США, а потому арктическая система международных отношений должна анализироваться через призму геополитического противостояния двух «великих держав» [5, Hough P; 6, Huebert R., 7; Гольцов А.Г.; 8, Коневских О.В.]. Безусловно, приписывание авторам, исследующим вопросы безопасности, только на этом основании более широкой теоретической позиции не вполне обосновано. Однако в отсутствие более общих теоретических рамок такой традиционалистский взгляд задаёт вполне определённую логику политического анализа, в котором основное внимание уделяется милитаризации Арктики и роли геополитического противостояния России и США, и эта логика отражается в публичном нарративе «Новой холодной войны» в регионе. Интересным следствием применения традиционалистского подхода, иллюстрирующим практическое, нормативное измерение теоретизирования в области международных отношений, является обоснование арктической роли КНР, напрямую вытекающее из признания её статуса «великой державы» [9, Li X., Peng B; 10, Kopra S.; 11, Pincus R.]. Обратим также внимание, что в логике традиционалистской политической теории международные системы выстраиваются именно вокруг интересов и стратегий конкретных национальных государств, а не блоков или союзов. Поэтому роль НАТО или Евросоюза в этой теоретической модели должна рассматриваться как вторичная и производная от интересов наиболее влиятельных государственных акторов.

Одной из главных проблем традиционалистского подхода является тот факт, что, несмотря на широкую распространённость публичного нарратива «геополитического противостояния» в Арктике, регион де-факто характеризуется крайне низким уровнем конфликтности и преимущественно прагматическим и кооперационным характером международных отношений. Достаточно отметить, что Гедельбергский институт изучения международных конфликтов, осуществляющий регулярный мониторинг конфликтов в мире, включил в свой последний барометр только один сугубо региональный конфликт (между Россией и Норвегией), оценив его всего на 2 балла из 5, притом что только в Европе в 2020 г. было зафиксиро-

вано 53 конфликта¹. Поэтому традиционалистская интерпретация проблем безопасности в Арктике, хотя и сохраняет свою актуальность, в целом не является доминирующей и уступает место более широким теоретическим подходам. Большинство современных авторов признают исключительную значимость экономических интересов при анализе международных отношений в регионе, а также эколого-климатической повестки и социального развития населения региона, что соответствует логике «расширяющей» версии нетрадиционалистских подходов к безопасности [12, Конышев В., Сергунин А.; 13, Weber J.; 14, Heininen L.; Exner-Pirot H.; Barnes J.; 15, Gjørvi G.H., Lanteigne M., Sam-Aggrey H.]. Однако в вопросе о ключевых акторах имеются значительные различия.

В ряде работ, несмотря на признание многоаспектности безопасности, сохраняется принятие безусловной приоритетности не просто государственных акторов, но именно «великих держав», которые в силу своего положения и ресурсов несут ответственность не только за военно-политическую стабильность, но и за прочие аспекты безопасности, важные для международной системы, включая решение экологических и климатических проблем и обеспечение устойчивого развития в Арктике [10, Kopra S.; 11, Pincus R.]. Альтернативный взгляд опирается на концепцию «средних держав», которая утверждает, что ведущую роль в поддержании международного порядка, мира и кооперативных отношений играют страны, достаточно развитые экономически и институционально, имеющие высокую репутацию, но не обладающие исключительной экономической и военной мощью и геополитическими амбициями [16, Behringer R.M.; 17, Carr A.]. Согласно этой концепции, средние державы наиболее заинтересованы в поддержании международного порядка, основанного на правилах, а также дипломатических способах разрешения противоречий между государствами и поиска основы для сотрудничества.

Применение этой теории к арктическому региону выглядит достаточно естественным. За исключением России и США, все остальные арктические страны могут в той или иной степени претендовать на статус «средних держав», а Канада и вовсе считается хрестоматийным примером таковой. В научных публикациях действительно используется концепция средних держав, как правило, при описании внешней политики конкретных стран: как арктических, так и внерегиональных [18, Dolata-Kreutzkamp P.; 19, Kim E., Stenport A.; 20, Østhagen A.; 21, Rosamond A.B.], а также при анализе формирования альянсов, которые считаются сильной стороной таких стран [22, Watson I.].

Одной из наиболее интересных теоретических конструкций, разработанных в рамках нетрадиционалистского подхода к безопасности и применимых к анализу Арктики, стала теория региональных комплексов безопасности (РКБ). Эта теория, основанная на общем представлении о том, что любая страна рассматривает свою безопасность прежде всего с

¹ Conflict Barometer 2020. Heidelberg: HIIK, 2021. URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2021/05/ConflictBarometer_2020_2.pdf. P. 59-60 (дата обращения: 20.10.2021).

точки зрения отношений со своими соседями, обосновывает исключительную роль малых и средних государств в формировании регионально-центричного взгляда на проблемы безопасности [23, Buzan B., Waever O.]. Кроме того, рассматривая государства в качестве основного актора, она исходит из интерпретации безопасности, опирающуюся на социально-конструктивистскую парадигму: последняя отражает то, что сами государства относят к своим угрозам и сферам безопасности, а в региональном аспекте, особенно для средних и малых государств такие проблемы не ограничиваются военной безопасностью, но включают в себя экономические, социальные и экологические аспекты. Как показал анализ Б. Падртовы, применение теории РКБ к Арктике имеет свою специфику [4, с. 32–34]. В отличие от стандартной модели РКБ, границы региона не могут определяться как границы арктических государств, а ведущие арктические страны, особенно Россия и США, могут относиться к различным региональным комплексам. Вместе с тем Арктика характеризуется анархическим режимом управления, многополярностью и преобладанием прагматических и кооперативных отношений, сопровождающимися ростом напряженности по отдельным направлениям. Не являясь объяснительной моделью, теория РКБ в то же время задает ключевые направления анализа региональных международных отношений. Её главные теоретические ограничения связаны с проблемой определения арктических границ, недооценкой стратегической значимости отношений и угроз, исходящих от географически удаленных стран, а также ограниченностью «государство-центричного» взгляда на безопасность.

Второе направление в современных нетрадиционалистских подходах к безопасности отчасти решает названные проблемы, отказываясь от примата государства как единственного типа акторов, заслуживающего внимания в качестве объекта анализа. Это направление в значительной мере является логическим развитием «расширяющей» теории международной безопасности. Военная безопасность является исключительной сферой ответственности государств, и фокус на военной безопасности естественным образом делает их главным референтным объектом теории. Однако смещение внимания к экономическим, экологическим и социальным аспектам предоставляет возможности более активной роли других типов акторов [14, Heininen L. et al.]. После окончания Холодной войны военное значение Арктики начало сокращаться, хотя и неравномерно и с некоторыми обратными тенденциями, а основными областями кооперации и сотрудничества стали вопросы охраны окружающей среды, научной и мониторинговой деятельности, а также, в меньшей степени, вопросы экономического сотрудничества и социального развития. Такой профиль сотрудничества способствует как фактической активизации негосударственных акторов (международных организаций, ассоциаций коренных народов, компаний, научных институтов, региональных и глобальных НКО и др.), так и большей готовности аналитиков включать их в политический анализ в качестве легитимной и важной категории акторов, имеющих свои интересы и ресурсы в области безопасности.

**Негосударственные акторы в Арктике:
парадипломатия, новый регионализм, глобальное управление**

Заданная либерализмом тенденция к признанию роли негосударственных акторов в арктических исследованиях получила своё развитие при переключении внимания с проблем безопасности (даже широко понимаемых) на более широкий спектр вопросов международного взаимодействия и управления в арктическом регионе. Одним из ярких примеров отказа от примата государственных акторов стало активное использование в арктических исследованиях концепции парадипломатии. Теория парадипломатии утверждает, что субнациональный уровень государственного управления и субнациональные акторы (в том числе негосударственные) играют относительно самостоятельную роль в формировании международных отношений и могут влиять на них посредством горизонтального межрегионального взаимодействия [24, Kuznetsov A.S.]. В качестве примера применения концепции парадипломатии можно привести работу М. Акрен, в которой она сравнила парадипломатию в Арктике с традиционными каналами дипломатических отношений [25, Ackren M.]. Рассматривая её как реакцию на процессы глобализации, она выделила три уровня управления, на которых региональные арктические акторы участвуют в парадипломатических отношениях:

- – экономическое сотрудничество, направленное на привлечение иностранных инвестиций и развитие экспортных рынков (прежде всего, эти усилия касаются рыболовства и добывающей промышленности);
- – сотрудничество в неэкономических сферах: защита окружающей среды, культурные контакты, формирование общей арктической идентичности;
- – взаимодействие в правовом поле с целью участия в международных соглашениях и организациях.

Однако соотношение дипломатии и парадипломатии в деятельности различных стран существенно различается. Как показал выборочный анализ, проведённый М. Акрен, в некоторых случаях регионы (например, Фарерские острова, Гренландия, Нунавут) получили значительную автономию (в том числе в плане участия в международной деятельности) и активно ей пользуются: участвуют в деятельности международных организаций, заключают соглашения, создают зарубежные представительства. Однако в других случаях регионы, участвуя в парадипломатической активности, де-факто являются инструментом государственной политики и межгосударственных отношений, — как в случае российско-норвежского взаимодействия на Шпицбергене. Это позволяет утверждать, что теория парадипломатии применительно к арктическому сотрудничеству не может рассматриваться как полностью самостоятельный вид политических процессов и должна учитывать как характер межгосударственных отношений на высшем уровне, так и природу отношений «центр — регионы» внутри каждого государства.

Другая теоретическая интерпретация роли субнациональных акторов в арктической политике основана на концепции нового регионализма. Этот подход вводит понятие степени регионализации, то есть степени, в которой определённая географическая территория может рассматриваться как политический регион. В некоторых вариантах выделяется до пяти различных уровней (региональное пространство, региональный комплекс, региональное общество, региональное сообщество, региональное государство), отражающих рост интеграции и взаимозависимости государств. Как утверждает С. Кнехт, Арктика, являясь во многом уникальным регионом, характеризуется постепенным движением от простой кооперации к полноценной интеграции, ключевую роль в которой играет эволюция Арктического совета².

Более сложный вариант теоретического описания роли негосударственных акторов представлен в подходе А. Сергунина, который основан на сочетании «нового регионализма» и концепции «глобального региона» [26, Sergunin A.]. Новый регионализм предлагает отказ от государство-центричного анализа региональных процессов в пользу многоуровневого и полицентричного, исследующего тройные отношения между государствами, институтами гражданского общества и частными компаниями в качестве основы международных отношений. Действия субнациональных арктических акторов рассматриваются именно через призму этой более сложной системы отношений, а не просто в рамках отношений «центр — регионы» и межрегионального горизонтального взаимодействия. В свою очередь, Арктика рассматривается в качестве «глобального региона» — региона, для которого фактор территориальной близости и связности не является безусловно определяющим. Идея глобальной региональности предполагает, что формирование международного режима в регионе находится под существенным влиянием в том числе наднациональных и экстерриториальных отношений, в которых свою роль играют как государственные, так и негосударственные акторы.

Наибольшим потенциалом для включения негосударственных акторов в теорию международных отношений в настоящее время представляет концепция глобального управления. Теории глобального управления сочетают в себе дескриптивные и нормативные элементы и отражают идею «управления без управляющих» в международных отношениях, основанного не на иерархии подчинения, а на сложных многоуровневых системах договоренностей, формальных и неформальных механизмах координации и согласования интересов между акторами разного типа [27, Rosenau J.N.; 28, Zürn M.A.]. Принимая тезис либерализма о негативных последствиях избыточного присутствия государства, которое в международных отношениях является главным источником угроз, теория глобального управления утверждает, что решение многих современных проблем носит трансграничный характер, а ресурсы и

² Knecht S. Arctic regionalism in theory and practice: from cooperation to integration? // Arctic Yearbook. 2013. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2013/Scholarly_Papers/8.KNECHT.pdf. 20 p. (дата обращения: 27.11.2021).

возможности, которые имеют значение для их решения, находятся не только у государства, но и у других акторов. В зависимости от сферы анализа и теоретической позиции, особое значение может уделяться глобальным НКО, транснациональным корпорациям, региональным и муниципальным властям, гражданским инициативам на местах, международным организациям и др. Эти ресурсы и возможности могут включать в себя готовность к коллективному действию, компетенции, социальный и символический капитал, реже — финансовые и организационные возможности. Особое значение для процессов глобального управления имеют процессы трансграничного и межуровневого трансфера знаний, относящегося к определённой проблеме.

Учитывая отсутствие единого международно-правового режима в Арктике и преимущественно координационный характер основных институтов, таких как Арктический совет, применение теории глобального управления к анализу политико-управленческих процессов в регионе выглядит перспективным. Однако она на удивление редко используется систематически и явным образом как инструмент анализа и объяснения. В качестве одного из немногих примеров обратного можно привести работу Р. Бертельсена, который анализирует позитивную роль транснациональных научных связей и обменов в компенсации новых линий напряженности в регионе [29, Bertelsen R.G.]. Взгляд на эти конфликтные отношения с позиции глобального управления позволяет увидеть альтернативную систему процессов и институтов, основанную на интенсивном обмене научными и экспертными знаниями в различных областях, а также основанную на ней кооперацию между академическим сектором, бизнесом, гражданским обществом и правительственными структурами. Поскольку научные знания имеют особую значимость в сложном арктическом регионе, результаты такой многоуровневой и межсекторальной кооперации влияют на принятие решений, система международных отношений в Арктике имеет определенные черты глобального управления. Ряд исследователей справедливо указывают на особенности Арктического совета (консенсусный характер принятия решений, многоуровневость взаимодействия, активное участие негосударственных акторов) как соответствующих общим принципам глобального управления [30, Wehrmann D.; 31, Chater A.]. В ряде случаев эта концепция используется и более специфическим образом, в частности, для обоснования более активного вовлечения Китая в арктическое управление [9, Li X., Peng B., с. 204–206; 32, Jiang Y.].

Наконец, близкой к логике глобального управления является концепция режимного комплекса, применяемая О. Янгом для арктического региона [33, Young O.R.; 34, Young O.R.]. В её основе лежит представление о континууме «интеграция / фрагментация» как главной переменной, характеризующей международный режим или подходы к решению международных проблем. На одном полюсе этого континуума находится создание хорошо интегрированных иерархических систем, имеющих развитую бюрократическую организацию и формально-правовую основу. В случае Арктики основой такого режима могло бы выступать со-

здание всеобъемлющего договора об Арктике. На противоположном конце континуума находится фрагментированный набор практически несвязанных друг с другом инициатив, программ, соглашений, разрабатываемых независимо друг от друга и направленных на решение отдельных вопросов (например, регулирование рыболовства в определённом районе, мониторинг загрязнений, сотрудничество в культурной сфере и т.п.). Как полагает О. Янг, для характеристики Арктики обе альтернативы оказываются непригодными, а систему управления в регионе следует определить как режимный комплекс. Режимный комплекс — это набор нескольких режимов, или элементов, относящихся к определенной проблеме или региону, которые связаны друг с другом неиерархическим образом, и которые взаимодействуют друг с другом, оказывая взаимное влияние [33, с. 394]. В случае Арктики применимость идеи режимного комплекса обязана тому факту, что в регионе исторически сформировался набор отдельных элементов, которые обеспечивали международное взаимодействие в решении конкретных вопросов и доказали свою полезность. Некоторые из таких элементов носят достаточно общий характер (UNCLOS, Полярный кодекс, Арктический совет), другие более сфокусированы на решении вопросов в сфере судоходства, туризма, добычи нефти и газа, рыболовства, спасательных операций, защиты экосистем и прав коренных народов, научного сотрудничества, контроля за вооружениями. Несмотря на то, что Арктический совет имеет ограниченные возможности для непосредственного управления и принятия обязательных решений, он выступает в качестве важной платформы для координации и обменов между отдельными программами и механизмами.

Хотя концепция режимного комплекса не тождественна идее глобального управления (поскольку относится прежде всего к регулятивным механизмам), они могут рассматриваться как часть общей теоретической модели, представляющей международные процессы как своего рода сеть институтов и механизмов, обеспечивающих взаимодействие разных типов акторов для решения общих проблем без всеобъемлющих обязывающих систем правил и иерархических структур. Тем не менее, следует констатировать, что к настоящему времени потенциал такого теоретического подхода к описанию и анализу арктической политики остается в значительной мере нереализованным, а многие его проponenty используют его скорее в качестве нормативной, а не аналитической модели или объяснительной теории.

Социальный конструктивизм и другие подходы

Теоретические альтернативы, описанные выше, наиболее часто встречаются в современных политических исследованиях Арктики, хотя зачастую в несистематизированном и неявном виде, отражая логику наиболее общих подходов в международных отношениях. Однако в ряде работ используются и другие теоретические модели, в частности, социальный конструктивизм. В сфере государственной политики и международных отношений конструктивизм отличается как от реализма, так и либерализма тем, что не признаёт «объективные»

интересы и идентичность государства и утверждает, что они сами по себе являются объектом «переговоров» различных заинтересованных лиц, подвержены конъюнктурным влияниям и действию социальных факторов, не сводятся к материалистическим (экономическим, военным) факторам и отражают в большей степени сферу публичных, разделяемых представлений и норм. В арктических исследованиях конструктивистская парадигма в наибольшей степени проявляет в себя в анализе политической идентичности различных групп и акторов (государств, международных организаций, арктических регионов, коренных народов и др.), а также политических нарративов, которые используют различные акторы для формирования и продвижения определенной картины мира и обоснования тех или иных решений.

Одним из наиболее интересных и ярких примеров «конфликта интерпретаций» является различие между политическим дискурсом секьюритизации и милитаризации, который играет ключевую роль в политических нарративах государственной политики (особенно таких стран как Россия и США), и дискурсом локальных сообществ, в которых ключевую роль играют идеи проблемно-ориентированного трансграничного сотрудничества для защиты своих социально-экономических интересов, защиты среды обитания и самоуправления [35, Shadian J.M.]. Другим примером конструктивистского подхода является использование Р. Пинкусом и С. Али теории фреймов для анализа формирования арктического дискурса и его влияния на арктическую дипломатию [36, Pinkus R., Ali S.H.]. Анализ содержания медиа, посвящённых арктическим делам в англоязычных политических СМИ, позволил Р. Пинкус и С. Али проследить, как актуальные темы и тенденции интерпретируются в терминах конфликта, задавая соответствующее публичное восприятие различных аспектов арктической политики, будь то освоение региона («схватка за Арктику»), международные отношения («Холодная война») или нефтедобыча (конфликт между нефтяными компаниями и защитниками окружающей среды).

Нарративы, описывающие Арктику как сферу ответственности арктических государств или, наоборот, как «общее наследие человечества», подчеркивающие её исключительность или, наоборот, включённость в более общий контекст мировой политики, представляющие её как преимущественную область конкуренции или, наоборот, кооперации, как сферу ответственности великих или средних держав либо же международных организаций, сами по себе являются частью международных отношений [37, Auerswald D.P.]. Однако если в рамках более традиционных теоретических моделей такие нарративы должны рассматриваться исключительно с инструментальной точки зрения, как часть эксплицитных стратегий государств, выполняющих функцию легитимации, — то конструктивизм исходит из более сложной системы факторов, определяющих их содержание и динамику. Поскольку нарративы, а также групповая идентичность, относятся к символической сфере, то любые акторы и системы социальных отношений, влияющие на их содержание и распространение, способны влиять и на политические процессы. Например, распространение «зелёной» повестки в демо-

кратическом обществе формирует общественный запрос, на который не может не реагировать правительство в определении приоритетов арктической политики и позиции в межгосударственных переговорах. Аналогично, декларативное признание на уровне Арктического совета прав коренных народов в определении арктической политики задаёт определённые рамки, или фреймы восприятия, которые вынуждены принимать в расчёт в том числе государственные акторы, для которых более предпочтительными являются вестфальская картина мира и дискурс секьюритизации. Поэтому конструктивистский подход, на наш взгляд, имеет значительный потенциал прежде всего для расширения аналитических возможностей при изучении факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю арктическую политику, международные отношения и режим управления в регионе.

Помимо конструктивизма и прочих описанных выше подходов, в арктических исследованиях, конечно, встречаются и другие теоретические ориентации, подходы и модели. Например, С. Коул, С. Измайлов и Э. Сьоберг, описали перспективы применения теории игр для выявления источников конфликтов и оптимальные способы их разрешения в таких областях как добыча природных ресурсов (в частности, рыболовство) и экологическое регулирование в Арктике [38]. Теория игр достаточно регулярно применялась в истории изучения международных отношений, однако её применение в Арктике на удивление редкое явление. Как полагают авторы, многие арктические проблемы относятся к типичным ситуациям «трагедии общественного достояния», при которой общедоступность ресурса приводит к его истощению и, в конечном итоге, плохо для всех игроков. Авторы считают, что теория игр способна помочь в создании механизмов компенсации за использование общих ресурсов, а также повысить качество управления ими за счёт более эффективного распространения информации между «игроками» (ключевая роль отводится Арктическому совету). Однако следует отметить, что в данной работе теория игр используется скорее как эвристический приём; формальный аппарат и соответствующая операционализация конкретных арктических проблем авторами не приводится. Кроме того, в данном виде теория игр может рассматриваться скорее как формальное ответвление политического анализа в логике парадигмы реализма.

Ключевые вопросы теории международных отношений в Арктике

Суммируя краткий обзор теоретических подходов, фактически используемых в современных публикациях по международным отношениям и управлению в Арктике, можно заключить, что они образуют весьма разнородную, но достаточно поверхностную и фрагментарную основу для политического анализа. В большинстве своём они являются отражением общих дискуссий в теории международных отношений, прежде всего, относительно роли государства и других акторов, а также характера отношений между ними (конфликт или кооперация). В большинстве случаев такие подходы правильнее рассматривать не столько

как теории, образованные чётким набором логически связанных пропозиций, объясняющих и предсказывающих определённый круг явлений, систематически подвергаемых эмпирической проверке, сколько как аналитические инструменты, которые авторы используют для описания предмета изучения, определения фокуса внимания, и которые носят выраженный контекстуализированный характер. Типичной проблемой является смешивание дескриптивных и нормативных аспектов теории. Многие перспективные теории и подходы проработаны в весьма ограниченной мере и их потенциал остаётся в значительной мере нереализованным. В большинстве же исследований арктической политики отсутствует чётко сформулированный набор теоретических предположений и аргументов, которые определяли бы логику политического анализа.

В качестве альтернативного взгляда на состояние теоретического осмысления политических процессов в Арктике и обобщение ключевых выводов и положений целесообразно использовать предложенный Ф. Черноффым перечень из восьми главных вопросов, определяющих наиболее важные различия в теоретических подходах [1, с. 41–46]. Рассмотрим каждый из этих вопросов применительно к исследованиям Арктики.

1. Уровень анализа (Какой тип акторов или других единиц анализа в наибольшей мере позволяет объяснить мировую политику?)

Безусловно, во многих случаях при анализе тех или иных проблем международных отношений в Арктике достаточно ограничиться рассмотрением уровня государства. Однако это не может считаться теоретической необходимостью или неизбежностью. Представление о государстве как единственном субъекте, влияющем на международную ситуацию и трансграничные проблемы сформировалось в то время, когда государство было главным центром концентрации и мобилизации ресурсов, важных на международной арене. Однако в современном обществе и мировой политике это, очевидно, не так. Крупные корпорации имеют ресурсы, возможности и интересы, имеющие не просто международное, но глобальное значение и эффекты. Крупнейшие НКО также обладают символическим и организационным капиталом, позволяющим им влиять на политику в отдельных областях. Рост значимости знаний как ресурса, необходимого для принятия рациональных решений, обуславливает возможности независимых центров экспертизы и исследований. Очевидно, что логически в качестве легитимного объекта анализа следует рассматривать любую категорию акторов, которые обладают своими интересами и ресурсами для оказания влияния на ту или иную сферу мировой политики или проблемную область.

Многочисленные арктические исследования показывают целесообразность анализа различных негосударственных акторов: международных организаций, неправительственных структур, региональных органов власти, компаний и др. Даже на формально-институциональном уровне государства признают самостоятельность, например, ассоциаций коренных народов, которые имеют формальный статус (а следовательно, и возможно-

сти влияния) в Арктическом совете. Очевидно, что априорное ограничение фокуса внимания государственными акторами сопряжено с высокими рисками неверной оценки и игнорирования потенциально важных факторов, влияющих на региональную политику. В связи с этим можно утверждать, что вопрос о том, какие категории акторов являются фактором арктической политики, является, по сути, эмпирическим, а не теоретическим. Любой объект, способный к политическим действиям, имеющий свои интересы, цели и ресурсы, достаточные, чтобы существенно влиять на арктические процессы, должен быть включён в анализ.

2. Унитарность государства (Следует ли принимать государства в качестве целостных акторов и игнорировать сложную структуру государственного устройства при изучении международных отношений?)

Признание негосударственных акторов как потенциально значимых для международных процессов становится предпосылкой и для учёта сложной внутренней структуры государства. В случае арктической политики существуют веские основания для выделения субнационального уровня управления в качестве легитимного объекта анализа. Прежде всего это касается региональных властей и локальных сообществ, способных как лоббировать политические интересы на уровне государства, так и непосредственно участвовать в международной политике путём парадипломатии или участия в международных организациях. Специфика арктических регионов национальных государств и высокий уровень межрегиональных различий внутри них (особенно в крупных странах) является объективной предпосылкой для признания относительной автономности субнационального уровня. В более общем смысле, в анализе международной арктической политики целесообразно исходить из многоуровневого характера взаимодействий. Хотя уровень государств является основным, понимание международных процессов будет неполным без учёта, с одной стороны, субнационального уровня (северные регионы арктических стран, а также их влияние на национальную политику), а с другой — места и роли всего арктического региона в глобальном контексте.

3. Рациональность государств (Подчинены ли действия государства и лидеров на международной арене принципу рациональности, то есть, основаны на выборе наиболее эффективного способа достижения цели?)

Представление о рациональности политических акторов является важным методологическим принципом, в отсутствие которого последовательный анализ и прогноз политических действий выглядит практически невозможным. Сама формализованная структура принятия решений институциональными акторами предполагает сложнореализуемость импульсивных, иррациональных действий даже при наличии таких личностных факторов на индивидуальном уровне. Вместе с тем принятие принципа рациональности не означает, что политические решения принимаются на основании общей и универсальной картины мира. Наличие механизмов согласования картин мира и объективного описания арктических процессов следует поэтому считать главной предпосылкой для возможности описания межгосу-

дарственных отношений (и, шире, отношений и взаимодействий всех акторов) в рамках общей логики рационального действия (при которой акторы одинаково понимают взаимные цели и интересы).

4. Государственные интересы и идентичность (Рассматриваются ли предпочтения и интересы государства или других акторов как стабильные и жёстко заданные?)

На примере проблемы безопасности можно констатировать, что государства и другие акторы могут менять своё представление о своей политической идентичности и приоритетах внешней политики, хотя такие изменения существенно варьируются от страны к стране. Тот факт, что «великие» и «средние» державы демонстрируют выраженные различия в приоритетах безопасности и международного взаимодействия, а также резкий рост интереса большинства развитых государств к климатической повестке, также скорее свидетельствует в пользу более динамичного и сложного взгляда на интерпретацию национальных интересов и идентичности.

5. Конфликтность (Должна ли государственная политика и интересы рассматриваться в терминах неизбежной конкуренции и подготовки к конфликту?)

Несмотря на то, что конфликтный арктический нарратив широко распространён в публичной сфере и встречается в политическом анализе, он вряд ли может считаться обоснованием теоретической логики классического реализма. Последняя применима только в ситуации, когда государства принимаются в качестве единственного актора на мировой арене, являются унитарными и конкурируют за ограниченные ресурсы. Однако для современных международных отношений в целом, и в Арктике в особенности, такие ситуации не являются единственно возможными, а существование большого числа акторов разного типа и уровней, а также наличие общих, трансграничных и глобальных проблем, делает логику игр с нулевой суммой неприменимой в качестве универсального объяснительного механизма. Кроме того, с эмпирической точки зрения Арктика остается зоной преимущественно кооперативных отношений, демонстрируя практическую готовность государств к сотрудничеству. При этом наличие ситуаций прямого конфликта интересов, которые могут описываться в терминах игр с нулевой суммой (например, определение внутриарктических границ или суверенных прав на освоение ресурсов), не вызывает сомнений и должно приниматься во внимание. С теоретической точки зрения, правильнее говорить о наличии в Арктике проблемных областей и ситуаций, которые (объективно) структурируют отношения более конфликтным или более кооперативным способом.

6. Преодоление анархии (Должна ли анархия в международных делах рассматриваться по аналогии с анархией в отдельном обществе, и являются ли её неизбежным следствием конфликты и войны?)

Слабая институциональная организация арктического управления, а также отсутствие единого и всеобъемлющего международно-правового режима соответствует представле-

нию о преимущественно анархическом характере международных отношений в регионе. Однако, как было отмечено выше, это не мешает формированию преимущественно мирного, кооперативного характера взаимодействия и разрешения противоречий в регионе. Теория глобального управления обосновывает возможность и механизмы поддержания ненасильственного взаимодействия при решении международных проблем без создания обязывающих институтов и механизмов, основанных на применении или угрозе применения силы.

7. Связь моральных принципов и теории (Должны ли нормативные принципы быть включены в теорию наряду с дескриптивными и если да, то каким образом (как часть описания общества или как прескриптивные утверждения?)

Теоретическое описание причинно-следственных связей и механизмов, лежащих в основе разработки и реализации арктической политики, международных связей, взаимодействия различных акторов, формирования международных институтов и т. д., должны чётко отделяться от характеристики нормативных моделей внешней политики или системы международных отношений. Нормативное измерение теории должно быть автономным и независимым относительно дескриптивного измерения, однако это возможно при условии чёткого определения нормативных критериев для оценки политических целей, средств их достижения, а также ожидаемых последствий.

8. Роль международных институтов (Рассматриваются ли международные институты как не имеющие реального значения и силы, как средства, повышающие эффективность политик, или как главный источник легитимности для отдельных политик, в частности, в области применения силы?)

Принципиальное принятие негосударственных акторов как легитимной единицы анализа означает признание относительной самостоятельности и международных организаций. Принципиальное обоснование их включения в теорию арктических международных процессов опирается на ключевые идеи теории принципал-агента [39, Hawkins D.G. et al.]. Участие государства в работе международных организаций предполагает делегирование им определенных полномочий. Даже если такое представительство предполагается полностью контролируемым и включенным в централизованную систему принятия государственных решений, агент имеет потенциальные возможности для самостоятельной роли, в частности за счёт управления информационными потоками, развития собственного международного социального капитала и др., — причём такая роль может быть эффективной даже в случае протоорганизаций, имеющих крайне ограниченные формальные полномочия, например, в случае Арктического совета.

Необходимость учитывать специфику арктического контекста при ответе на ключевые общие вопросы теории международных отношений делает актуальным разработку рамочных теоретических концепций, пригодных для изучения широкого спектра арктических политических и управленческих процессов. Однако на сегодняшний день такой последователь-

ный и систематизированный набор теоретических положений в исследованиях Арктики отсутствует, а используемые теоретические основания зачастую носят неявный и нечетко сформулированный характер.

Заключение

В современных политических исследованиях Арктики можно выявить элементы большинства ключевых теоретических подходов в области международных отношений: как традиционных (реализма, либерализма), так и более современных (социального конструктивизма, глобального управления и др.). Однако, как правило, соответствующие им теоретические предпосылки принимаются имплицитно, без явного определения ключевых предположений и теоретической логики, что ограничивает возможности анализа и поиск альтернативных объяснений арктических процессов и явлений. Нередко имплицитно принимаемые теоретические представления обусловлены политически или же зависят от исследуемой проблемной области. Например, исследования безопасности, понимаемой в узком военно-политическом смысле, склонны опираться на парадигму реализма, принимая постулаты о государстве как о единственном объекте внимания и унитарном акторе, а также о преимущественно конкурентном характере отношений между государствами. Такая теоретическая позиция ограничивает возможности объяснения многочисленных фактов успешной кооперации в Арктике, осуществляемой в том числе с активным участием негосударственных акторов.

В свою очередь, концепция глобального управления, анализирующая решение трансграничных проблем на основе многоуровневых и неиерархических отношений кооперации и координации, удачно отражая некоторые специфические черты управления в Арктике (отсутствие всеобъемлющего правового режима, институциональные особенности Арктического совета как главного международного механизма), выглядит малоприменимой для анализа политик и стратегий отдельных акторов, особенно государственных, которые осуществляются в логике «игр с нулевой суммой». Преодоление ограничений отдельных теоретических ориентаций возможно за счёт более интегративных рамочных моделей, исходящих из признания большей гибкости и вариативности в определении ключевых акторов, уровней их действий, характера отношений между ними, а также, самое важное, — признания разнообразия проблемных областей, в пределах которых осуществляется взаимодействие.

Список источников

1. Chernoff F. Theory and Metatheory in International Relations: Concepts and Contending Accounts. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 223 p. DOI 10.1057/9780230606883
2. De La Bruyère E., Picarsic N. All Over the Map: The Chinese Communist Party's Subnational Interests in the United States. Washington: FDD Press, 2021. 32 p.
3. Tarry S. 'Deepening' and 'Widening': an analysis of security definitions in the 1990s // Journal of Military and Security Studies. 1999. Vol. 2. No. 1. 13 p.

4. Padrtova B. Concepts of security reflected in theories — traditionalists vs. non-traditionalists / Routledge Handbook of Arctic Security / Ed. by G.H. Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London; New York: Routledge, 2020. Pp. 29–42.
5. Hough P. International Politics of the Arctic. Coming in from the Cold. London: Routledge, 2013. 194 p. DOI:10.4324/9780203496640
6. Huebert R. A new Cold War in the Arctic? The old one never ended! / Redefining Arctic Security: Arctic Yearbook 2019 / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Arctic Portal, 2019. Pp. 75–78.
7. Гольцов А.Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение // Мировая политика. 2017. № 4. С. 44–55. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.18211
8. Коневских О.В. Противостояние России и США в арктическом регионе // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 7. С. 61–66.
9. Li X., Peng B. The rise of China in the emergence of a new Arctic order / The Global Arctic Handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 197–213. DOI:10.1007/978-3-319-91995-9_12
10. Kopra S. China, Great Power responsibility and Arctic security / Climate Change and Arctic Security: Searching for a paradigm shift / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham: Palgrave Pivot, 2020. Pp. 33–52. DOI: 10.1007/978-3-030-20230-9_3
11. Pincus R. Three-way power dynamics in the Arctic // Strategic Studies Quarterly. 2020. Vol. 14. No. 1. Pp. 40–63.
12. Конышев В., Сергунин А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 43–53.
13. Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation / Ed. by J. Weber. Cham: Springer, 2020. 378 p. DOI:10.1007/978-3-030-45005-2
14. Arctic Yearbook 2019: Redefining Arctic Security / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Arctic Portal, 2019. 504 p.
15. Routledge Handbook of Arctic Security / Ed. by G.H. Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London; New York: Routledge, 2020. 462 p.
16. Behringer R.M. Middle power leadership on the human security agenda // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40. Pp. 305–342. DOI:10.1177/0010836705055068
17. Carr A. Is Australia a middle power? A systemic impact approach // Australian Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68. No. 1. Pp. 70–84. DOI:10.1080/10357718.2013.840264
18. Dolata-Kreutzkamp P. Canada's Arctic policy: transcending the middle power model? / Canada's Foreign and Security Policy: Soft and Hard Strategies of a Middle Power / Ed. by N. Hynek, D. Bosold. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 251–275.
19. Kim E., Stenport A. South Korea's Arctic policy: political motivations for 21st century global engagements // The Polar Journal. 2021. Vol. 11. Issue 1. Pp. 11–29. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1917088
20. Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? // The Polar Journal. 2021. Vol. 11. Issue 1. Pp. 75–94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043
21. Rosamond A.B. The Kingdom of Denmark and the Arctic / Handbook of the Politics of the Arctic / Ed. by L.C. Jensen, G. Honneland. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. Pp. 501–516. DOI: 10.4337/9780857934741.00036
22. Watson I. Middle Power alliances and the Arctic: assessing Korea-UK pragmatic idealism // Korea Observer. 2014. Vol. 45. No. 2. Pp. 275–320.
23. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
24. Kuznetsov A.S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational governments in international affairs. London; New York: Routledge, 2015. 184 p.
25. Ackren M. Diplomacy and paradiplomacy in the North Atlantic and the Arctic — a comparative approach / The Global Arctic Handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 235–249. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_14

26. Sergunin A. Subnational tier of Arctic governance / *The Global Arctic Handbook* / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 269–287. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_16
27. Rosenau J.N. Governance in the twenty-first century // *Global Governance*. 1995. Vol. 1. No. 1. Pp. 13–43.
28. Zürn M.A. *Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 313 p.
29. Bertelsen R.G. The Arctic as a laboratory of global governance: the case of knowledge-based cooperation and science diplomacy / *The Global Arctic Handbook* / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 251–267. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_15
30. Wehrmann D. Transnational cooperation in times of rapid global changes. The Arctic Council as a success case for? / *Arctic Yearbook 2020* / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Arctic Portal, 2020. Pp. 425–442. DOI: 10.23661/dp12.2020
31. Chater A. Change and continuity among the priorities of the Arctic Council's permanent participants / *Leadership for the North: The Influence and Impact of Arctic Council Chairs* / Ed. by D.C. Nord. Cham: Springer, 2019. Pp. 149–166. DOI: 10.1007/978-3-030-03107-7_9
32. Jiang Y. China's role in Arctic affairs in the context of global governance // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38. Issue 6. Pp. 913–916. DOI: 10.1080/09700161.2014.952938
33. Young O.R. Building an international regime complex for the Arctic: current status and next steps // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2. No. 2. Pp. 391–407. DOI: 10.1080/2154896X.2012.735047
34. Young O.R. Is it time for a reset in Arctic Governance? // *Sustainability*. 2019. Vol. 11 (16). 4497. DOI: 10.3390/su11164497
35. Shadian J.M. Navigating political borders old and new: the territoriality of indigenous Inuit governance // *Journal of Borderlands Studies*. 2018. Vol. 33. No. 2. Pp. 273–288. DOI: 10.1080/08865655.2017.1300781
36. Pincus R., Ali S.H. Have you been to 'The Arctic'? Frame theory and the role of media coverage in shaping Arctic discourse // *Polar Geography*. 2016. Vol. 39. No. 2. Pp. 83–97. DOI: 10.1080/1088937X.2016.1184722
37. Auerswald D.P. Arctic narratives and geopolitical competition / *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation* / Ed. by J. Weber. Cham: Springer, 2020. Pp. 251–271. DOI: 10.1007/978-3-030-45005-2_15
38. Cole S., Izmalkov S., Sjöberg E. Games in the Arctic: applying game theory insights to Arctic challenges // *Polar Research*. 2014. Vol. 33. No. 1. 23357. 13 p. DOI: 10.3402/polar.v33.23357
39. *Delegation and Agency in International Organizations* / Ed. by D.G. Hawkins, D.A. Lake, D.L. Nielson, M.J. Tierney. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 407 p. DOI: 10.1017/CBO9780511491368

References

1. Chernoff F. *Theory and Metatheory in International Relations: Concepts and Contending Accounts*. New York, Palgrave Macmillan, 2007, 223 p.
2. De La Bruyère E., Picarsic N. *All Over the Map: The Chinese Communist Party's Subnational Interests in the United States*. Washington, FDD Press, 2021, 32 p.
3. Tarry S. 'Deepening' and 'Widening': an Analysis of Security Definitions in the 1990s. *Journal of Military and Security Studies*, 1999, vol. 2, no. 1, 13 p.
4. Padrtova B. Concepts of Security Reflected in Theories — Traditionalists vs. Non-Traditionalists. In: *Routledge Handbook of Arctic Security*. Ed. by G.H. Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London; New York, Routledge, 2020, pp. 29–42.
5. Hough P. *International Politics of the Arctic. Coming in from the Cold*. London, Routledge, 2013, 194 p. DOI:10.4324/9780203496640
6. Huebert R. A New Cold War in the Arctic? The Old One Never Ended! In: *Redefining Arctic Security: Arctic Yearbook 2019*. Akureyri, Arctic Portal, 2019, pp. 75–78.

7. Goltsov A.G. Mezhdunarodnyy poryadok v Arktike: geopoliticheskoe izmerenie [International Order in the Arctic: Geopolitical Dimension]. *Mirovaya politika* [World Politics], 2017, no. 4, pp. 44–55. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.18211
8. Konevskikh O.V. Protivostoyanie Rossii i SShA v arkticheskom regione [Russia-US Confrontation in the Arctic]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy* [Actual Problems of Modern International Relations], 2016, no. 7, pp. 61–66.
9. Li X., Peng B. The Rise of China in the Emergence of a New Arctic Order. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 197–213. DOI:10.1007/978-3-319-91995-9_12
10. Kopra S. China, Great Power Responsibility and Arctic Security. In: *Climate Change and Arctic Security: Searching for a Paradigm Shift*. Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham, Palgrave Pivot, 2020, pp. 33–52. DOI: 10.1007/978-3-030-20230-9_3
11. Pincus R. Three-Way Power Dynamics in the Arctic. *Strategic Studies Quarterly*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 40–63.
12. Konyshchev V., Sergunin A. Arktika na perekrest'e geopoliticheskikh interesov [Arctic at Crossroad of Geopolitical Interests]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2010, no. 9, pp. 43–53.
13. Weber J., ed. *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation*. Cham, Springer, 2020, 378 p. DOI:10.1007/978-3-030-45005-2
14. Heininen L., Exner-Pirot H., Barnes J., eds. *Arctic Yearbook 2019: Redefining Arctic Security*. Akureyri, Arctic Portal, 2019, 504 p.
15. Gjørsv G.H., Lanteigne M., Sam-Aggrey H., eds. *Routledge Handbook of Arctic Security*. London; New York, Routledge, 2020, 462 p.
16. Behringer R.M. Middle Power Leadership on the Human Security Agenda. *Cooperation and Conflict*, 2005, vol. 40, pp. 305–342. DOI: 10.1177/0010836705055068
17. Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, no. 1, pp. 70–84. DOI:10.1080/10357718.2013.840264
18. Dolata-Kreutzkamp P. Canada's Arctic Policy: Transcending the Middle Power Model? In: *Canada's Foreign and Security Policy: Soft and Hard Strategies of a Middle Power*. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 251–275.
19. Kim E., Stenport A. South Korea's Arctic Policy: Political Motivations for 21st Century Global Engagements. *The Polar Journal*, 2021, vol. 11, iss. 1, pp. 11–29. DOI:10.1080/2154896X.2021.1917088
20. Østhagen A. Norway's Arctic Policy: Still High North, Low Tension? *The Polar Journal*, 2021, vol. 11, iss. 1, pp. 75–94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043
21. Rosamond A.B. The Kingdom of Denmark and the Arctic. In: *Handbook of the Politics of the Arctic*. Cheltenham, Edward Elgar, 2015, pp. 501–516. DOI: 10.4337/9780857934741.00036
22. Watson I. Middle Power Alliances and the Arctic: Assessing Korea-UK Pragmatic Idealism. *Korea Observer*, 2014, vol. 45, no. 2, pp. 275–320.
23. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 564 p.
24. Kuznetsov A.S. *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. London; New York, Routledge, 2015, 184 p.
25. Ackren M. Diplomacy and Paradiplomacy in the North Atlantic and the Arctic — a Comparative Approach. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 235–249. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_14
26. Sergunin A. Subnational Tier of Arctic Governance. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 269–287. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_16
27. Rosenau J.N. Governance in the Twenty-First Century. *Global Governance*, 1995, vol. 1, no. 1, pp. 13–43.
28. Zürn M. *A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy, and Contestation*. Oxford, Oxford University Press, 2018, 313 p.

29. Bertelsen R.G. The Arctic as a Laboratory of Global Governance: the Case of Knowledge-Based Cooperation and Science Diplomacy. In: *The Global Arctic Handbook*. Cham, Springer, 2019, pp. 251–267. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_15
30. Wehrmann D. Transnational Cooperation in Times of Rapid Global Changes. The Arctic Council as a Success Case for? In: *Arctic Yearbook 2020*. Akureyri, Arctic Portal, 2020, pp. 425–442. DOI: 10.23661/dp12.2020
31. Chater A. Change and Continuity among the Priorities of the Arctic Council's Permanent Participants. In: *Leadership for the North: The Influence and Impact of Arctic Council Chairs*. Cham, Springer, 2019, pp. 149–166. DOI: 10.1007/978-3-030-03107-7_9
32. Jiang Y. China's Role in Arctic Affairs in the Context of Global Governance. *Strategic Analysis*, 2014, vol. 38, iss. 6, pp. 913–916. DOI: 10.1080/09700161.2014.952938
33. Young O.R. Building an International Regime Complex for the Arctic: Current Status and Next Steps. *The Polar Journal*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 391–407. DOI: 10.1080/2154896X.2012.735047
34. Young O.R. Is it Time for a Reset in Arctic Governance? *Sustainability*, 2019, vol. 11 (16), 4497. DOI: 10.3390/su11164497
35. Shadian J.M. Navigating Political Borders Old and New: the Territoriality of Indigenous Inuit Governance. *Journal of Borderlands Studies*, 2018, vol. 33, no. 2, pp. 273–288. DOI: 10.1080/08865655.2017.1300781
36. Pincus R., Ali S.H. Have You Been to 'The Arctic'? Frame Theory and the Role of Media Coverage in Shaping Arctic Discourse. *Polar Geography*, 2016, vol. 39, no. 2, pp. 83–97. DOI: 10.1080/1088937X.2016.1184722
37. Auerswald D.P. Arctic Narratives and Geopolitical Competition. In: *Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North between Cooperation and Confrontation*. Cham, Springer, 2020, pp. 251–271. DOI: 10.1007/978-3-030-45005-2_15
38. Cole S., Izmalkov S., Sjöberg E. Games in the Arctic: Applying Game Theory Insights to Arctic Challenges. *Polar Research*, 2014, vol. 33, no. 1. 23357, 13 p. DOI: 10.3402/polar.v33.23357
39. Hawkins D.G., Lake D.A., Nielson D.L., Tierney M.J., eds. *Delegation and Agency in International Organizations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 407 p. DOI: 10.1017/CBO9780511491368

Статья поступила в редакцию 05.12.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021;
принята к публикации 12.12.2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.